

ИСТОРИЯ 8—9

«Большая тройка»
в Ялте
70 лет назад
состоялась
историческая встреча
Сталина, Черчилля
и Рузвельта

КИНО 5

Чисто английское
убийство
Никита Михалков
намерен снять
сериал о смерти
Александра
Грибоедова

ПРОГРАММА
ТЕЛЕВИДЕНИЯ
на неделю

включая
региональные
каналы

15

Российская Газета

№ 3 (индекс 32185)
№ 17 (6588)
29 января — 4 февраля 2015
www.rg.ru

НЕДЕЛЯ

Общенациональная общественно-политическая газета

ПЯТНИЦА 30 ЯНВАРЯ — СУББОТА 31 ЯНВАРЯ — ВОСКРЕСЕНЬЕ 1 ФЕВРАЛЯ — ПОНЕДЕЛЬНИК 2 ФЕВРАЛЯ — ВТОРНИК 3 ФЕВРАЛЯ — СРЕДА 4 ФЕВРАЛЯ — ЧЕТВЕРГ 5 ФЕВРАЛЯ

РИА НОВОСТИ

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ Исполняется 155 лет со дня рождения А.П. Чехова..... 2—3

Волонтер Чехов

ПАМЯТЬ 6 КОСМОС 10 ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ 11 УВЛЕЧЕНИЯ 26—27

Полицай Колобок,
Винни-Пух и все-все-все.
29 января 1994 года
не стало Евгения Леонова

Лунная соната. Водитель
«Лунохода-1» Вячеслав
Довгань: «Я знал, что
попаду в лунный кратер»

Сонная болезнь.
В казахском поселке
Калачи еще 40 жителей
впали в многодневный сон

Хранитель. Семейный
музей Валерий Агишев
создал в одиночку в
подвале собственного дома

год литературы

Зрит в корень
В Архангельске открыли
памятник Козьме Пруткову

ПРУТКОВ из бронзы стоит на невысоком постаменте в самом центре города. В правой руке он держит перо, а в левой—книгу. Как известно, Козьма Прутков—литературный персонаж, под именем которого в разное время публиковались Алексей Толстой и братья Жемчужниковы. Выбрали этого персонажа не случайно: в «Биографических сведениях о Козьме Пруткове» указано, что его родина—деревня Тентелевая Архангельской области.

Волонтер Чехов

Исполняется 155 лет со дня рождения А.П. Чехова и 120 лет первому изданию «Острова Сахалин»

ДАТА

✎ Дмитрий Шеваров

За толстыми стенами дома номер шесть на Садовой-Кудринской не слышно Москвы. Лишь в окно видно, как по улице мчатся машины и бегут прохожие. Редко кто бросит взгляд на табличку «Дом-музей А.П. Чехова» или на доску объявлений на воротах, где рядом с приглашением на вечер, посвященный 155-летию писателя, кто-то написал: «Аборт — убийство!». Надпись поспешная, на бегу сделанная, но ведь почему-то не у дома Толстого этот вопль начертали, не у Пушкина...

В августе 1886 года, когда дом за 650 рублей в год арендовали Чеховы, здесь благоухал палисадник, вокруг—фруктовые сады, уютные дворики. «Место чистое, тихое и отовсюду близкое»,—писал Антон Чехов, в ту пору 26-летний выпускник медицинского факультета.

Благодаря Ивану Шмелеву и его книге «Лето Господне» та Москва представляется нам чем-то вроде Афин, а москвичи—набожными плотниками и благообразными купцами. Войны, казалось, ушли в историю (Чехову было восемнадцать, когда на Балканах закончилась Русско-турецкая война, а до

Антон
был красив,
обаятелен,
весел
и амбициозен!

Русско-японской он не дожил). Экономика росла такими темпами, которые сегодня кажутся фантастикой. Демография и промышленность, литература и искусство, железные дороги и национальная валюта—все было на подъеме. За сто рублей можно было месяц жить на полном пансионе в Ницце.

По московским меркам Чеховы не дотягивали до тогдашнего среднего класса, но это обстоятельство печалило лишь родителей. Павел Егорович, вынужденный в 1876 году бежать в столицу от кредиторов и бросивший свою таганрогскую лавку на шестнадцатилетнего Антона, продолжал свято верить в то, что путь к процветанию лежит через властную семейную вертикаль и тотальный учет расходов. В результате все шестеро детей Павла Егоровича получили

стойкое отвращение к торговле и преумножению капитала. Они увлекались журналистикой, литературой, театром, живописью, и все у них получалось ярко, легко, талантливо.

Все эти увлечения разделял и Антон, но он приучил себя считаться с реальностью. Катастрофа, происшедшая с семьей в Таганроге, развила в нем гиперответственность. Братья, сестра, мать и даже отец привыкли надеяться на его сметливость и работоспособность (при этом Павел Егорович даже в Мелихово, когда Антон был известен уже всей читающей России, порой называл литературную работу сына «бумагомараньем»).

...Как и во всяком музее здесь говорят вполголоса. А ведь при Чеховых в доме на Садовой-Кудринской бурлила такая бурная и шумная жизнь, что Антон мог сидеть за письменным столом только рано утром, пока все еще спали. Сейчас он бы, наверное, брал ноутбук и уходил на весь день работать в соседнее кафе. Впрочем, с полудня до трех часов он бы не ушел, то были часы приема пациентов. Для них он держал дома целую аптеку.

Чехов, как бы сейчас сказали, «пахал на нескольких работах»:

фельетоны для газет, рассказы для журналов, обязанности участкового врача (согласно сохранившимся книгам амбулаторных приемов Чехов принимал до трех тысяч больных в год). И все-таки это была счастливая молодая жизнь. Почти каждый день к Чеховым приходили гости, звучали музыка и девичий смех. Это сейчас, говоря об Антоне Павловиче, мы невольно вспоминаем его поздние портреты, где он измучен болезнью. А в молодости Антон был красив, обаятелен, весел, амбициозен!

Всякий великий писатель—заложник читателей, их нечуткости, невнимательности. Почему-то мы помним, что у Чехова есть «Скучная история» и «Палата № 6», но мало кто помнит и ценит весенний рассказ «Счастье», где арбузы свистят, шука хохочет, заяц приветствует пастухов по-человечьи «Здорово, мужики!», а серебристая полынь и свинья цыбулька «принимают свет солнца за свою собственную улыбку».

Его первая большая вещь, повесть «Степь», кажется нам (как и многим чеховским современникам) слишком описательной, а ведь это настоящая ода к радости! Мы забываем, что из всего написанного «пасмурный» Чехов более всего любил пасхальный, светящийся рассказ «Студент».

«Я человек жизнерадостный,—говорил Антон Павлович, уже зная о своей смертельной болезни,—по крайней мере первые 30 лет своей жизни прожил, как говорится, в свое удовольствие...».

Если бы Чехов не был так скрытен, то он бы добавил, что главным удовольствием в жизни была для него помощь людям. Помогать безоглядно, азартно, вдали от чужих глаз и в то же время помогать профессионально, адресно—это было то его спрятанное от всех счастье, которое он ни на что не захотел променять.

Да, возможно, если бы он не поехал на Сахалин, то болезнь открылась бы позднее и судьба отпустила бы ему еще пять, а то и десять лет. Но он поехал, причем самой трудной дорогой, которой в его время и каторжников уже не возили (их перевозили морем из Одессы).

Михаил Меньшиков писал потом в некрологе: «Чехов не поберег себя, предпринял трудное путешествие на Сахалин и там во время какого-то переезда сильно простудился. Промок, продрог, и негде было обсушиться. От этой простуды, как он говорил мне, началась его болезнь. Может быть, родился он в более культурной стране с безотчетным инстинктом бережения

→ ИЗ ДНЕВНИКОВ, ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК И ПИСЕМ

А.П. Чехов с таксой Хиной. Мелихово. Май 1897 года.

Антон Чехов. Своевременные мысли

- ◆ Никакого капитализма нет, а есть только то, что какой-то сиволопый мужик случайно, сам того не желая, сделался заводчиком. Случай, а не капитал.
- ◆ Не читал никого из русских авторов, но ненавидел их.
- ◆ Кто глупее и грязнее нас, те народ (а мы не народ). Администрация делит на податных и привилегированных... Но ни одно деление не годно, ибо все мы народ и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное.
- ◆ То, что мы испытываем, когда бываем влюблены, быть может, есть нормальное состояние. Влюбленность указывает человеку, каким он должен быть.
- ◆ Как теперь мы удивляемся жестокостям, какими отличались христианские мучители, так и со временем будут удивляться лжи, с какою теперь борются со злом, служа лицемерно тому же злу; например, говорят о свободе, широко пользуясь услугами рабов.
- ◆ При нашей несерьезности, при неумении и непривычке большинства вглядываться и вдумываться в явления жизни, нигде, как у нас, так часто не говорят: «Какая пошлость!», нигде не относятся так слегка, часто насмешливо к чужим заслугам, к серьезным вопросам. И с другой стороны нигде так не давит авторитет, как у нас, русских.
- ◆ Мусульманин для спасения души копает колодезь. Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно.
- ◆ Мы переутомились от раболепства и лицемерия.
- ◆ Нерабочие, так называемые правящие классы не могут оставаться долго без войны. Без войны они скучают, праздность утомляет, раздражает их, они не знают, для чего живут, едят друг друга, стараются наговорить друг другу побольше неприятностей, по возможности безнаказанно, а лучшие из них изо всех сил стараются, чтобы не надоест друг другу и себе самим. Но приходит война, овладевает всеми, захватывает, и общее несчастье связывает всех.

- ◆ Говорят: в конце концов правда восторжествует; но это неправда.
- ◆ Как люди охотно обманываются, как они любят пророков, вещателей, какое это стадо!
- ◆ Москва—город, которому придется много страдать.
- ◆ Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски.
- ◆ Отвратительные средства ради благих целей делают и самые цели отвратительными.
- ◆ Все великие мудрецы деспотичны, как генералы.
- ◆ Буржуазия очень любит так называемые «положительные» типы и романы с благополучными концами, так как они успокаивают ее на мысли, что можно и капитал наживать и невинность соблюдать, быть зверем и в то же время счастливым.
- ◆ Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается... В Западной Европе люди погибают от того, что жить тесно и душно, у нас же от того, что жить просторно... Простора так много, что... нет сил ориентироваться.
- ◆ Когда в нас что-нибудь неладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим: «Это француз гадит, это жида, это Вильгельм...» Капитал, жупел, масоны, синдикат, иезуиты—это призраки, но зато как они облегчают наше беспокойство!
- ◆ Дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание. Скажут: а политика? интересы государства? Но большие писатели и художники должны заниматься политической лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее. Обвинителей, прокуроров, жандармов и без них много.
- ◆ Люди обедают, только обедают, а в это время слагают их судьбы и разбивается их жизнь.

год литературы

«Вся Россия — наш сад!» В Театре имени Пушкина покажут новый «Вишневый сад»

ПРЕМЬЕРА на основной сцене театра назначена на 30 января. Знаменитую пьесу Антона Чехова поставил известный кино- и театральный режиссер Владимир Мирзоев. В роли Раневской — звезда сериала «Оттепель» Виктория Исакова. Мирзоев прочитал «Вишневый сад» как пьесу катастроф, в которой рушатся судьбы людей, родившихся на переломе эпох. Начало XXI века всматривается в начало XX века и находит в том времени немало знакомого.

жизни, его не пустили бы на Сахалин... Если бы все мы, Россия, окружили бы его нежным попечением...».

Какое уж там «нежное попечение»! До начала 1890-х годов критики травили его, писали, что он «газетный клоун», «умрет под забором». И кто бы его не пустил на Сахалин? Мать? Братья? Врачи? Полиция?.. Нет, все они были бы бессильны перед Чеховым. В нем была невероятная энергия созидания, эволюционного преобразования жизни. Это был поистине «мирный атом».

Вообще если гражданское общество имеет хоть какие-то корни в нашем прошлом, то они в Чехове. Антон Павлович участвовал во всех легальных гражданских инициативах своего времени. В мелиховский период он в своем Серпуховском уезде был и МЧС, и скорая помощь, и благотворительный фонд в одном лице. При этом он никогда не апеллировал к властям, не требовал, чтобы ему помогли, потому что он помогает другим.

Большинство своих благотворительных проектов Чехов осуществляет не на собранные по знакомым средства, и не на проценты со своего капитала, а не с доли богатого наследства, а на деньги, заработанные личным трудом, каторжной работой за письменным столом.

Он собирает помощь голодающим, бескорыстно служит санитарным врачом на эпидемии холеры и счетчиком на переписи населения. Бесплатно лечит крестьян, снабжает лекарствами сельские медпункты и финансирует журнал «Хирургия». Опекает несколько школ в Таганроге (передает им не только сотни и тысячи книг из своей библиотеки, но и закупает литературу для гимназистов в Европе). Платит за обучение в институте сына своих знакомых. Строит школы в селах Талеже и Новоселках, причем не только финансирует стройки, но и контролирует процесс, вникая в детали (а как было не вникать, если мужики таскали предназначенный для школы лес). Когда школы открываются, то о своей роли в этих событиях он просит никому не сообщать.

И сегодня Чехов был бы прежде всего волонтером, а потом уже литератором. Именно как врач-волонтер он (в веселую минуту называвший себя «малороссом» и «холом») поехал бы в Донецк и Мариуполь, Луганск и Горловку. Написал бы он об увиденном? Написал бы, но не рассказ или повесть. Это была бы сухая и точная книга «Остров Донбасс».

Оперативность и обязательность, немногословность и умение организовать работу множества людей (и при этом остаться в тени) — все эти необходимые для волонтера качества Чехов воспитал в себе. Однажды по поводу своих помощников он в сердцах сказал: «Где речь идет о срочной работе и о данном слове, там я не принимаю никаких оправданий». Именно поэтому я уверен, что сегодня Чехов нашел бы единомышленников не в писательском, а в волонтерском сообществе.

Литераторы, увы, склонны к пафосу, к бесплодным спорам о «творчестве» и «служении», а это то, чего Чехов при всей его сдержанности и терпимости совершен-

Его книги не зовут куда-то далеко. Они больше о том, чтобы взять стакан воды и подать ближнему

дет, что люди живут в чистых и удобных каменных домах, стараются беречь свое здоровье, не напиваются в стельку, не мусорят на улице.

Самым страшным в нашем быту Чехов считал привычку к унижению, к нечеловеческим условиям жизни, когда смерть становится чем-то обыденным. В 1897 году в связи со слухами о возможном проникновении в Россию чумы из Индии Антон Павлович пишет, что и такая беда «едва ли напугает очень, так как население, и врачи давно уже привыкли к форсированной смертности...». Прошло почти 120 лет, а привычка «к форсированной смерти» сидит в нас, как ржавый гвоздь.

Чехов не верил в то, что счастье человека зависит от того, будет в России православное царство, социализм или капитализм. Все это лишь механизмы, которые можно обратить как на пользу людям, так и во вред. Никакая полиция и секретные агенты, считал писатель, не спасут страну от революции, если власть будет относиться к народу как к безграничному ресурсу. Чехов видел, что от потрясений Россия могла бы удержать социальная (а не одна лишь экономическая и политическая) модернизация, освобождение от коррупции и насилия, взаимопомощь, просвещение и такое устройство быта, которое позволяет человеку поднимать иногда глаза к небу.

Профиль Чехова не попал на эмблему Года литературы (как, впрочем, и Льва Толстого). Понятно, что не преднамеренно, но в этом есть своя логика: сегодня Антон Павлович как-то особенно неудобен для нас. Он мешает спрятать голову в песок. Его трудно приспособить к шумному противостоянию глобальных идей и смыслов. Чеховские книги не зовут куда-то далеко. Они больше о том, чтобы взять стакан воды и подать ближнему. Или просто не поругаться с этим ближним сегодня вечером.

Чеховские рассказы похожи на евангельские притчи, они так же обманчиво просты и парадоксальны, глубоко молчаливы и на первый взгляд не сообщают ничего актуального. Таким, очевидно, был и Антон Павлович. Его вера в Бога была столь целомудренна, что издавна многие считали его атеистом (еще в молодости он ввел для себя запрет на два сорта разговоров: о религии и о личной благотворительности).

За полгода до смерти Антон Павлович написал: «Жизнь и люди становятся все лучше и лучше, умнее и честнее...».

Это он о нас?

Дом в Москве, где жили Чеховы
в 1886—1890 годах.

А.П. Чехов среди родных и друзей
во дворе дома на Садовой-Кудринской.
Апрель 1890 г.
Фото Александра Чехова.

— Но что я скажу? Я охотно бы пустил в него бутылкой...»

И в чеховское время в московских ресторанах и гостиницах любили поговорить о Третьем Риме, о державности и соборности, но Чехов никогда в таких беседах не участвовал, как и в любом другом сотрясении воздуха. Он считал, что прежде чем углубляться в дебри особого русского пути, неплохо было бы пройти обычной европейской дорогой, пройденной многими народами. Например, провести дома канализацию и водопровод, построить приличные дороги и больницы.

Антон Павлович причисляли к сторонникам либерализма, но «измы» мало его волновали. Европейская демократия импонировала врачу Чехову прежде всего по санитарно-гигиеническим соображениям. Бывая в Италии, Австрии, Франции, он был рад ви-

но не переносил. Запись из дневника: «Приезжаю к знакомому, застаю ужин, много гостей. Очень весело. Мне весело болтать с соседками и пить вино. Настроение чудесное. Вдруг поднимается Х. с важным лицом, точно прокурор, и произносит в честь мою тост. Чародей слова, идеалы, в наше время, когда идеалы потускнели... сейте

разумное, вечное. У меня такое чувство, точно я был накрыт раньше колпаком, а теперь колпачок сняли, точно в меня прицелились. После тоста чокались, молчание. Пропало веселье. — Вы теперь должны сказать... говорит соседка.